УДК 17.026

Коваль Екатерина Александровна,
кандидат философских наук, доцент кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского (г. Саранск) филиала ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», г. Саранск, Россия
nwifesc@yandex.ru

KOVAL Ekaterina .Alexandrovna,
Candidate for Doctorate in Philosophy, Associate Professor, Chair of Law Enforcement and Enforcement Proceeding, Middle Volga Branch (Saransk town), Russian Academy of Law under Ministry of Justice of the Russian Federation, Saransk, Russia
nwifesc@yandex.ru

НЕНОРМАТИВНАЯ МОТИВАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению специфики различных видов ненормативной мотивации. В праве такая мотивация имеет значение лишь тогда, когда совершено правонарушение. На примере православного христианства и мусульманского вероучения (ханафитский мазхаб) показано, что религиозная ненормативная мотивация имеет определяющее значение для оценки поступка. Ненормативная моральная мотивация является моральной лишь условно, поскольку не просто выходит за пределы нормативности, но разрушает ее.

***Ключевые слова*: нормативность, право, религия, мораль, ненормативная мотивация, аморализм, имморализм.**

NON-STANDARD MOTIVATION

The paper considered specifics of various kinds of ab-non-standard motivation. Such motivation in Law shall be relevant only once violation has been already committed. Taking for instance the Orthodox Christian and the Muslim believers cases (the Hanafi madhhab), the author has shown that non-standard religious motivation has turned to be crucial for assessing the act. Non-standard moral motivation shall be only conventionally accepted as moral, because, unlike empirical motivation, it would not just go beyond the standard, but would have it destroyed.

***Key words:* the standard, Law, religion, moral, non-standard motivation, amorality, immorality**

В настоящее время представители различных областей науки фиксируют негативные тенденции в процессе функционирования социальных регуляторов поведения и мышления человека. Рост числа правовых норм парадоксальным образом сопровождается ростом числа правонарушений и преступлений; религиозная идентичность часто представляет собой лишь формальное отнесение себя к тому или иному вероисповеданию в отсутствие когниций о религиозных нормах и интериоризации их ценности; степень императивности моральных норм неуклонно снижается, а степень ситуативности морального поведения, напротив, увеличивается. Данные тенденции свидетельствуют о том, что кризисные явления, фиксируемые в праве, морали, религии, являются выражением более масштабного кризиса – кризиса нормативности, коррелирующего с кризисом рациональности.

Под нормативностью можно понимать интегративное структурно-функциональное свойство, принадлежащее системному объекту, которое обеспечивает воспроизводство самого объекта и его стабильное функционирование во внешней среде посредством обеспечения упорядоченности и повторяемости процессов, происходящих как внутри системы, так и вне ее (в пределах наличествующих возможностей). Данное определение отражает два ключевых аспекта нормы: норма как сущее, как типовой элемент поведения и норма как должное, как образец, к которому стремится сущее. Особенность нормативности различных социальных регуляторов обусловливается спецификой ее источников, особенностью способа понуждения или принуждения к действию и структурно-функциональной организации.

Ключевыми нормативными регуляторами поведения и мышления человека являются право, религия и мораль. Данные регуляторы тесно взаимосвязаны друг с другом.

Специфика взаимодействия морали и права обусловлена их генетической взаимосвязью. Закон по определению не может быть несправедливым, поскольку право – только минимум морали. Однако практика правоприменения показывает, что многие современные российские законы подвергаются не только расширительному толкованию, но и расширенной интерпретации и, следовательно, злоупотреблением возможностями, предоставляемыми законом. К сожалению, не всегда работает принцип неотвратимости наказания. В результате в обществе формируется недоверие и к законодателю, и к правоприменителю.

Особенности взаимосвязи религии и права на современном этапе развития российского общества обусловлены повышенным вниманием общественности к различным религиозным организациям и движениям. Оно, в свою очередь, обусловлено комплексом факторов: потребностью в духовном наполнении повседневного существования; поиском ответов на смысложизненные вопросы; отсутствием единой общегосударственной идеологии; распространенностью этнорелигиозного терроризма и др. В подобных условиях возникают попытки использовать нормативность права, основанную на силе государственного принуждения, для укрепления нормативности религии, основанной на религиозной вере. Примером, иллюстрирующим данный

тезис, является процесс обсуждения законопроекта о защите религиозных чувств граждан, повлиявший на окончательную редакцию ныне действующего федерального закона от 29.06.2013 №136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан».

Анализируя изменения взаимосвязи религии и морали в современном обществе, можно отметить довольно низкую степень корреляции между развитием религиозной и моральной форм сознания и поведения. Это может быть связано со степенью глубины религиозного возрождения общества (как правило, воцерковленные или «уммизированные» люди составляют среди верующих небольшой процент, что позволяет выделить так называемый фарисейский тип религиозного возрождения), а также с многолетней практикой преподавания этики как светской дисциплины, не имеющей религиозных корней, и формированием в обществе понятия о морали как о нерелигиозном явлении.

Сложный конгломерат права, морали и религии в условиях кризиса нормативности формирует специфическую человеческую личность. Даже парные сопоставления социальных нормативных регуляторов свидетельствуют о том, что в современном обществе, характеризующемся рядом авторов как информационное или, как минимум, находящееся в переходном состоянии к информационному, крайне ослаблены когниции о тех или иных социальных нормах. В условиях, когда информация в любом объеме доступна большинству, знания о содержании различных социальных норм у этого большинства довольно скромные. У современного человека ослаблена потребность в познании того, что есть законность, права и обязанности, справедливость, долг, совесть, убеждение, вера, благочестие и т.д.

В структуре ценностных представлений современника наличествует преобладание ценностей-средств над ценностями-целями, что порождает в целом неустойчивость ценностей в пространстве и времени (например, отказ от ценности толерантности в странах Западной Европы перед угрозой исламизации). Такие качества, как способность достичь цели любым путем, стремление к конкурированию всегда и везде, жесткость и непреклонность, умение побеждать в любой конфликтной ситуации, позиционируются как необходимые для выживания в современном мире, они характеризуют сформулированный в СМИ образ «успешного человека». Однако в условиях дефицита ресурсов подобная установка крайне пагубна для общества.

Границы норм расширяются. То, что еще несколько десятилетий назад квалифицировалось как преступление, сегодня считается нормальной практикой (в ряде стран легализована эвтаназия; изменилось отношение общества к гомосексуальности, сожительству и т.п.). В подобных условиях крайне важно понимание того, каким образом формируется ненормативная мотивация, какую роль она играет в совершении поступка, каким образом личность оценивает свои мотивы как нормативные или ненормативные. Поступок начинается с формирования мотива, однако значимость мотивации по-разному оценивается в различных типах нормативности.

Нормативность права отражает структурные и сущностные его характеристики. Право состоит из писаных норм, которые обязательны для всех и которые определяют границы запрещенного и дозволенного поведения, а также меру ответственности за нарушение норм (неотвратимость ответственности обеспечивается силой государственного принуждения). Для права содержание мотивации начинает иметь значение только после совершения поступка (действия или бездействия). Если, например, у врача сформировался мотив – не оказывать медицинскую помощь скандальному и непослушному больному, то в случае, если врач все-таки окажет помощь, с точки зрения права наличие у него преступной мотивации не является основанием для привлечения к ответственности. Если же преступное бездействие специального субъекта повлечет по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью или смерть либо причинение тяжкого вреда здоровью больного, мотивация врача будет учитываться при определении наказания, предусмотренного ст. 124 УК РФ. Наказание может последовать за убийство и даже за угрозу убийством, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы (119 УК РФ), но не за мысли об убийстве. Даже тщательно сформированный ненормативный мотив, никогда не реализованный и не высказанный, адиафоричен для права.

Религиозная нормативность отражает такое свойство религии, как регламентация поведения и мышления человека посредством трансцендентных норм. Обеспечение соблюдения норм основывается на связи человека с Богом, вере в возможность коммуникации со сверхъестественным миром. Значимость содержания ненормативной мотивации зависит от содержания конкретного вероучения. Самыми распространенными в России религиозными конфессиями являются православное христианство и суннитское вероучение (ханафитский мазхаб). Обе традиции содержат представление о том, что ненормативная мотивация имеет самостоятельное значение в душевно-духовной жизни личности.

В мусульманском учении о грехе и добродетели намерение определяет оценку поступка: «Если два мусульманина скрестят мечи, то и убитый, и убивший попадут в Ад. У обоих было одно и то же намерение: убить» (аль-Ханафа) [Цит. по: 1, с. 664]. В то же время ненормативный мотив, не повлекший за собой деяние, оценивается как доброе дело: «…За тем, кто решит совершить дурное дело, но не совершит его, Аллах запишет у Себя (совершение) целого доброго дела…» (аль-Бухари) [2, с. 494].

В православной традиции страсть, стойкая склонность к определенному греху, формируется следующим образом: «прилог помысла (адиафоричная мысль о добром или злом), сочетание (принятие или отвержение помысла, на данном этапе он обретает этическое содержание), борьба с помыслом, если он греховен, сосложение (душевная интенция к реализации помысла, мыслительный и волевой акт) и страсть (злодеяние, переходящее в привычку, душевное устроение)» [3, с. 206-207]. Сосложение, которое по содержанию и представляет собой ненормативный мотив, – результат поражения в борьбе с греховным помыслом – последний этап формирования страсти. Возникновение ненормативного мотива, «вынашивание» недоброй мысли обесценивает добрый поступок и само по себе, даже если оно не повлекло за собой деяния, уже является грехом, последним шагом на пути к страсти, которая порабощает человека. Добро, не добро сделанное, не есть добро.

Таким образом, ненормативная мотивация в религии, в отличие от права, имеет самостоятельное значение, определяет оценку поступка. В то же время следует отметить, что оценка ненормативной мотивации содержательно зависит от конкретного вероучения (например, в суннитской традиции нереализованный ненормативный мотив – добро, в православной традиции – грех).

Под *нормативностью морали* понимается атрибутивное свойство морали, способность воздействовать на индивидуальное и общественное моральное сознание, обусловливающая упорядоченность и повторяемость мыслительных процессов и всеобщность моральных явлений.

Дж. Томсон рассматривает нормативность как совокупность двух взаимосвязанных видов суждений: требований и оценок [4]. Одним из фундаментальных отличий моральной нормативности от иных видов нормативности (правовая, техническая и др.) заключается в том, что структура такого ее элемента, как требование, включает в себя возможность выбора [5, с. 252]. Впрочем, и моральная оценка, будучи нормативной, основывается на свободной воле деятеля.

Р.Г. Апресян в работе «Понятие общественной морали (опыт концептуализации)» пишет о том, что отказ от признания нормативного характера морали связан с «увлеченностью индивидуализмом в этике» и может обернуться отказом от морали как таковой [6, с. 16]. В то же время в истории этических учений анормативистские тенденции, в частности, такие явления, как аморализм и имморализм, занимают довольно значимое место. Почему люди пытаются отрицать нормативность морали? Какой тип людей склонен к этому? Каковы последствия аморализма и имморализма, являющихся частными случаями морального анормативизма?

В первую очередь необходимо определить различия аморализма и имморализма. Согласно Д.Е. Соловьеву, «аморализм есть практически-поведенческое отрицание морали как системы эмпирических положительных ценностей и запретов на действия, их разрушающие. Имморализм есть мировоззренческое отрицание морали как принципа регуляции социальных отношений и особого способа освоения действительности» [7]. Аморализм, по А.П. Скрипнику, «…есть та же мораль, но внутренне разорванная и лишенная цельности. Он проистекает из нежелания или неспособности синтезировать противоположности и выражается либо в жесткой привязанности к какой-нибудь одной из крайностей, либо в метаниях от одной крайности к другой» [8, с. 12]. Имморализм определяется данным автором как размывание грани между добром и злом [9, с. 204-205] или как явная апология зла [10, с. 208].

Итак, и аморализм, и имморализм являются основаниями морального зла, поскольку отрицают нормативность морали на уровне эмпирического поведения личности и общества и на уровне принципиального выбора нормативного регулятора поведения соответственно. Анормативное моральное сознание искажено ложными представлениями о морали. Эти представления порождают ненормативную моральную мотивацию, которую следует отличать от мотивации эмпирической. К эмпирическим мотивам А.А. Гусейнов относит удовольствие, богатство, карьеру и др. При этом моральные мотивы «…находятся за ними, над ними, они не детерминируют поступок, не участвуют в определении его эффективности, целесообразности, возможных последствий и так далее, они только оценивают его с точки зрения того, может ли индивид приписать его себе, взять на себя ответственность за данный поступок со всей полнотой, чтобы он мог открыто сказать: да, это сделал я» [11, с. 19]. Используя данное определение, к ненормативным моральным мотивам можно отнести те мотивы, которые приводят к отказу

индивида взять на себя ответственность за совершенный поступок (например, поступки, вызывающие стыд), либо мотивы, которыми сам индивид оценивает свой поступок как моральный, однако он явно не вписывается в поле моральной нормативности (например, учитель может полагать, что, выкладывая в социальной сети свои фото в жанре «ню», он не совершает ничего аморального, однако его мотивы в данном случае вряд ли найдут понимание у родителей учеников и др.).

Поскольку мотив в морали представляет собой неотъемлемую часть поступка, и внеморальный, и ненормативный моральный мотив не позволяет оценить весь поступок как моральный. Поэтому формирование навыков моральной мотивации имеет колоссальное значение в процессе нравственного воспитания личности.

В качестве иллюстрации ненормативной моральной мотивации, сочетающей в себе признаки аморализма и имморализма, можно привести мотивацию особого вида террористов – этических.

Под *этическим терроризмом* я понимаю умышленное навязывание чуждых для личности или определенного общества моральных норм и правил, традиций, ценностей с целью достижения физического или духовно-нравственного уничтожения людей или отдельного человека, причинения экономического ущерба, достижения принятия политических решений в свою пользу и т.д. Этический терроризм существует столько, сколько существует цивилизованное человечество. Данный вид терроризма особенно опасен тем, что может реализовываться на бытовом уровне, далеко не всегда рефлексируется как террористами, так и жертвами как вид терроризма.

Этический терроризм имеет два подвида: автономный и гетерономный. Результатом *автономного* этического терроризма является суицид. Систематические автономные теракты, в которых субъектом и объектом является одно и то же лицо, могут реализовываться в формах отчаяния, уныния, разочарования в себе, других, мире, ложного самопожертвования, отрицания доброго, хорошего, правильного «Я».

Гетерономный этический терроризм представляет собой насильственное обращение жертвы в мораль, предлагаемую террористом, приобщение к его ценностям и традициям без желания и воли жертвы. Объектом гетерономного терроризма может быть как личность (например, Кириллов, персонаж романа «Бесы» Ф.М. Достоевского), так и малая или большая социальные группы (фашизм, советский социализм).

Ненормативная мотивация этических террористов – самая изощренная. Жертвы отказываются от своих ценностей в пользу чуждых под угрозой, в атмосфере панического страха. С одной стороны, мотивация этических террористов аморальна, поскольку речь идет об отказе от эмпирических ценностей, гипертрофированном возвеличивании «своей», «правильной» ценности и уничижении «чужой», «неправильной». С другой стороны, их мотивация носит имморальный характер, поскольку насилие над собственными или чьими-то еще моральными принципами и убеждениями означает непризнание нормативности морали, то есть отказ от морали как регулятора поведения личности в пользу принципиально иного регулятора, даже если при этом он будет именоваться моралью.

Любой поступок начинается с мотива. Следовательно, своевременное выявление ненормативной мотивации, излагаемой отдельной личностью или представителем какой-либо организации или группы является способом предотвращения глобального Апокалипсиса современности. И, напротив, навыки формирования нормативных мотивов собственных поступков – это неотъемлемый элемент нравственного воспитания и самовоспитания личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман *Валерии Пороховой*. 7-е изд. – М.: РИПОЛ классик, 2004.
2. *Аль-Бухари М.* (имам). Сахих аль-Бухари. Мухтасар. Полный вариант / пер. с араб. В.М. Нирша. – М.: Умма, 2003.
3. Преподобный *Петр Дамаскин*. Творения в русском переводе / под ред. А. Артемовой. – М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001.
4. *Thomson J.J.* Normativity. Chicago: Open Court Publishing Company, 2008.
5. *Дробницкий О.Г.* Понятие морали: историко-критический очерк. – М.: Наука, 1974.
6. *Апресян Р.Г.* Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии. 2006. № 5.
7. *Соловьев Д.Е.* Имморализм в истории зарубежной и отечественной философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саранск, 1998.
8. *Скрипник А.П.* Моральное зло в истории этики и культуры. – М.: Политиздат, 1992.
9. Там же.
10. Там же.
11. *Гусейнов А.А.* Негативная этика // Избранные лекции университета. Вып. 63. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007.

REFERENCES

1. Koran. Perevod smyslov i kommentarii Iman Valerii Porokhovoy. 7-e izd. - M.: RIPOL klassik, 2004.
2. Al-Bukhari M. (imam). Sakhikh al-Bukhari. Mukhtasar. Polnyy variant / per. s arab. V.M. Nirsha. - M.: Umma, 2003.
3. Prepodobnyy Petr Damaskin. Tvoreniya v russkom perevode / pod red. A. Artemovoy. - M.: Izd-vo Moskovskogo Podvorya Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry, 2001.
4. Thomson J.J. Normativity. Chicago: Open Court Publishing Company, 2008.
5. Drobnitskiy O.G. Ponyatie morali: istoriko-kriticheskiy ocherk. - M.: Nauka, 1974.
6. Apresyan R.G. Ponyatie obshchestvennoy morali (opyt kontseptualizatsii) // Voprosy filosofii. 2006. № 5.
7. Solovev D.E. Immoralizm v istorii zarubezhnoy i otechestvennoy filosofii: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. - Saransk, 1998.
8. Skripnik A.P. Moralnoe zlo v istorii etiki i kultury. - M.: Politizdat, 1992.
9. Tam zhe.
10. Tam zhe.
11. Guseynov A.A. Negativnaya etika // Izbrannye lektsii universiteta. Vyp. 63. - SPb.: Izd-vo SPbGUP, 2007.